

Сергей Александрович Колесников

доктор филологических наук, проректор по научной работе Белгородской православной духовной семинарии, профессор Белгородского юридического института МВД России

БОГОСЛОВСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ХРИСТИАНСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ТРУДАХ ПРОТОИЕРЕЯ СЕРГИЯ БУЛГАКОВА

Аннотация. В статье рассматриваются философские и богословские основания христианского хозяйствования в наследии протоиерея Сергея Булгакова. В рассуждениях христианского мыслителя представлены самые актуальные вопросы духовного осмысления экономической ситуации: соотношение свободы и экономики, роль денег в духовном состоянии человека, проблема вещиизма как вызов духовного порядка, соблазн радикального потребления. Важным моментом является сохраняющаяся сущность ответов, которые предлагал протоиерей Сергей Булгаков. Главным выводом в осмыслении христианского хозяйствования становится надежда и упование на Божественный Промысл, которые должны стать принципиальными основаниями построения христианского хозяйствования.

Ключевые слова: протоиерей Сергей Булгаков, христианское хозяйствование, христианство и экономическая теория труда, философско-богословское осмысление функции денег, духовные основания хозяйствования.

Богословско-философское наследие протоиерея Сергия Булгакова в значительной степени посвящено осмыслению сущности христианского хозяйствования. Хозяйствование, принадлежащее материи, неразрывно связанное с ней, имеет пределы своего влияния, и прежде всего по отношению ко всё той же свободе духа. «Христианский путь к хозяйственной свободе, — настаивал отец Сергий Булгаков, — ведет не через хозяйство, а как бы поверх него, через преобразование человеческой природы»¹. Хозяйство само по себе не может стать делом христианского подвижничества, между христианином и хозяйством всегда будет и должна существовать некая дистанция, защищающая духовный суверенитет личности: «Каждый верующий христианин должен охранять свою свободу от хозяйства, не отдавать себя всего до конца хозяйственной работе, не признавая хозяйственной стихии первой и определяющей человеческую жизнь и свободу»². Бесценность свободы не может быть рассчитана в категориях прибавочной стоимости, производительности труда, эффективности маркетинга и т. п.

Уместным представляется здесь упоминание о роли денег как расчетного механизма ценности явлений человеческой жизни. «Философия денег», автором которой признается Г. Зиммель, не могла не вызвать возражений со стороны православной теологии. Скепсис по отношению к любым духовным ценностям, не вписывающимся в денежный ценник, порождал неприятие у отца Сергия Булгакова самой концептуальной основы «философии денег», предполагающей и предлагающей деньги в качестве мерил значимости, в качестве исчисляемого суррогата духовности. Разрыв между денежной ценой и реальным человеческим усилием — закономерно несправедлив: «Цены могут никогда не соответствовать трудовым ценностям (последние, впрочем, и не допускают даже теоретического исчисления иначе, как путем логических скачков и неразрешимых уравнений со многими неизвестными), и тем не менее значение труда как основы хозяйства останется в полной силе»³. Труд и деньги — понятия абсолютно разные, и стремление свести их в единую парадигму ведут к росту несправедливости в социуме. Миры человеческого усилия — духовного или материального, и мир денег — разные миры, по сути, анти-миры, соприкосновение которых ведет к социальной аннигиляции, к уничтожению справедливости и свободы в обществе.

Аксиология свободы не приемлет финансово-числового расчета, в ней действуют иные, духовные законы, не имеющие отношения к материальной сфере хозяйствования. Именно этот метафизический урок и принесло миру христианство: «Христианство знает свободу в хозяйстве, но не обещает свободу от хозяйства и через хозяйство»⁴. Свобода духа обретается на иных путях, чем пути хозяйствования, Ошибкой, как утверждает отец Сергий Булгаков, будет считать труд всеильным, способным только сам по себе преобразовать материю и дух человека.

Интересный поворот в размышлениях отца Сергия Булгакова возникает при его обращении к проблеме досуга, внехозяйственной деятельности, деятельности за пределами хозяйствования. Оппозиция труда и досуга, снимаемая в христианстве органическим единством хозяйствования и литургичностью, духовным распорядком дня христианина от вечерни до утрени, при отсутствии духовного стержня неминуемо приводит к деградации, к разлагающему бездельничанью. Вопрос о коротком рабочем дне, насущный и сегодня, решается отцом Сергием Булгаковым следующим образом: «Нужно не только хозяйственно, но и духовно дорасти до короткого рабочего дня, умея достойно употребить освобождающийся досуг. Иначе короткий рабочий день явится источником деморализации и деградации рабочего класса»⁵. Если там, где заканчивается хозяйство человека, не встретить духовность, то его

¹ Булгаков С.Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб.: Изд-во РГХИ, 1997. С. 355.

² Булгаков С.Н. Два града... С. 356.

³ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1999. С. 49.

⁴ Булгаков С.Н. Два града... С. 357.

⁵ Булгаков С.Н. Два града... С. 359.

неизбежно поглотит опустошенность, ведущая к обесмысливанию человеческого существования¹.

Вместе с тем отец Сергей Булгаков отмечает опасность и псевдо-духовного понимания хозяйствования. Особенно ярко этот тезис раскрывается на примере оценок им «философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова. Кстати, современники отца Сергея Булгакова воспринимали его «Философию хозяйства» как «нарочный ответ на недоумения, вызываемые философией Федорова» (С. Голованенко). Не вдаваясь подробно в контекст дискуссии между отцом Сергием Булгаковым и Н.Ф. Фёдоровым, необходимо отметить следующий тезис отца Сергея Булгакова, характеризующий в целом его хозяйственную теологию: «Федоровский “проект” хозяйственно-трудового, магического воскрешения, представляющий собой, таким образом, некоторую *μετάβασις εἰς ἄλλο γένος*, грешит недолжным смешением областей хозяйства и теургии. В этом отношении характерна общая антипатия Фёдорова к чудесному, то есть истинно теургическому, в котором он со своей хозяйственной точки зрения видит прежде всего даровое. Он недооценивает при этом всей условности и относительности хозяйства, столь существенно связанного с теперешним состоянием мира, с тяготеющим над землею проклятием и с общим “стенанием твари”»². Материалистичность хозяйствования и следующая из этого ограниченность хозяйствования не приняты во внимание, считал отец Сергей Булгаков, в «философии общего дела». Ведь «в построениях Фёдорова как будто все не учитывается опыт загробной жизни и его значение, все те изменения, которые претерпевает душа в отрыве от тела, ее рост в этом таинственном и неведомом состоянии»³, а потому само стремление придать материалистичности мнимую духовность, без религиозной основы, лишь подтверждают ограниченные возможности материалистического хозяйствования.

Ограниченность хозяйства виделась отцу Сергию Булгакову еще и в том, что в самом хозяйствовании не содержится метафизически значимых целей, являющихся главным предназначением человека. «Хозяйство, — писал богослов, — как связанное с проклятием земли, не имеет в себе эсхатологических задач, переходящих за грань смертной жизни этого века, к ней исключительно относится его область. Поэтому оно и не может завершиться в своих собственных пределах, а должно перерваться, подобно человеческой жизни»⁴. И далее конкретизирует перспективы псевдо-духовности хозяйствования: «...хозяйство на своем собственном пути не имеет эсхатологии, и, когда пытается вступить на ее путь, оно впадает в лжеэсхатологию, гонится за призраком, обманчивым и лживым»⁵.

Хозяйствование — всего лишь часть, пусть и весьма значительная часть, человеческой жизни. Жизнь неуклонно преодолевает, перерастает рамки хозяйствования, а потому человек не может замыкаться исключительно в хозяйственных границах. У отца Сергея Булгакова есть очень точный ответ на сегодняшнюю проблему трудоголизма как полного утопания в хозяйствовании: «Жизнь создается не хозяйством, не трудом, но лишь рождением, то есть передачей и осуществлением изначально заложенной жизнотворческой силы»⁶. Хозяйствование не обладает этой жизнотворческой силой, а потому трудоголизм метафизически не оправдан. Скорее напротив, отключение себя от живой жизни и есть проявление духовного некроза; «плен хозяйства — это и есть сила смерти, господствующая в людях; вкушая жизнь, мы вкушаем и смерть»⁷.

Смерть и есть тот ограничитель, который не дано преодолеть материальному хозяйствованию. В свете смертности человека, понимаемой в духовном аспекте, раскрывается огра-

¹ Подр. см. С.Н. Булгаков: Pro et Contra. Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003.

² Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. С. 309.

³ Булгаков С.Н. Свет невечерний... С. 309.

⁴ Булгаков С.Н. Свет невечерний... С. 315.

⁵ Булгаков С.Н. Свет невечерний... С. 315.

⁶ Булгаков С.Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1999. С. 65.

⁷ Булгаков С.Н. Два града... С. 356.

ниченность механизмов хозяйствования, способных функционировать только в весьма узком диапазоне. Хозяйственным актом не начинается жизнь человеческая, не им продолжается и не им завершается: «Не хозяйственным актом рождается человек, развивается в утробе матери и растет после рождения, укрепляясь в своих физических и духовных силах, осознавая в себе силы духа»¹. В самом основании хозяйствования заложены ограничительные моменты, придающие хозяйствованию вторичность по отношению с духовностью. Хозяйство «работает» с тем, что ему предоставлено, «оно есть выявление того, что метафизически дано, оно в этом смысле *не есть творчество из ничего, но лишь воссоздание, воспроизведение данного, сделавшегося заданным*, и это воссоздание становится творчеством лишь постольку, поскольку оно есть свободное и трудовое воспроизведение»². Христианский идеал задан хозяйствованию, и его задача следовать этому идеалу, а не претендовать, не имея на то оснований, на некую собственную аксиологическую систему. В противном случае неминуемо «все усилия экономизма силою вещей направляются к увековечению жизни этого века, к отрицанию конца жизни как отдельной человеческой личности, так и всего мира»³.

Необходимо акцентировать внимание на упоминаемой отцом Сергием Булгаковым «силе вещей». Соблазн вещиизма есть один из важнейших, и, надо признать, эффективных механизмов порабощения свободы духа. Комфортность вещи удачно скрывает материальную мертвенность вещи. Отец Сергей Булгаков дает недвусмысленное определение вещи: «*Вещи*, так называемая мертвая природа, то есть всё то, в чем по-видимому отсутствуют признаки жизни, есть только минус жизни, отрицательный ее коэффициент, но вне этого, хотя и отрицательного, однако выраженного в терминах жизни»⁴. Хозяйствование в силу своей специфики оперирует вещами, то есть продуктами мертвой материи, в свою очередь производя другие вещи, увеличивая количественно эту материю, — и в этом и состоит главное предназначение хозяйства, ничего более. И только человек, внося духовный компонент в хозяйствование, преобразует эту материю.

Вещь скрадывает непреодолимую несовместимость человеческого и материального, и именно теология на всех этапах мировой истории призвана напоминать об этой несовместимости. В трактатах отца Сергия Булгакова по поводу этой темы, в частности, говорится: «Материя познается нами именно как материя со стороны непроницаемости, отчужденности целям человека» (статья «Об экономическом идеале»). Задача человека и есть сохранение ясного представления о различии между материей и духом, а в свете памяти об этом и осуществляется освобождение от давления вещиизма: «Человек, медленно и постепенно освобождаясь от рабства вещей, продуктов *natura naturata*, снимает мертвый покров с природы и опознает творящие ее силы»⁵. Дурная бесконечность вещиизма, обрастание человека вещами, словно паразитами, как результат духовной ленивости, захламление вещами горизонтов совершенствования личности — в этом, настаивал отец Сергей Булгаков, опасность вещиизма.

Вещь возникает как пограничное явление между материальным хозяйствованием и духовным усилием личности, «продукт хозяйства есть субъект-объект, нечто такое, в чем погашено различие субъекта и объекта, это предмет природы, мира объектов, не-я, но в то же время совершенно пропитанный человеческой телеологией, воплощающий в себе субъективную цель, осуществляющий заранее проектированную в субъекте модель или идею»⁶. Сама этимология слова «вещь» подразумевает преобразованное, ограниченное «вещество». Преобразование вещества в вещь — процесс одновременно и материальный, и духовный. Останавливаться только на материальной стороне этого обоюдного процесса означает лик-

¹ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. С. 26.

² Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. С. 64.

³ Булгаков С.Н. *Два града...* С. 315.

⁴ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. С. 22.

⁵ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. С. 50.

⁶ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. С. 43.

видировать главную человеческую функцию — преобразование мира. Тогда-то и возникает хозяйственная ситуация, о которой, например, писал Ж. Бодрийяр в «Прозрачности зла»: «Производит уже не сама Земля, предназначение которой — производить; уже не труд порождает богатство — нет более вечного симбиоза Земли и труда. Теперь капитал заставляет Землю производить, а труд — порождать богатство. Труд не есть больше действие; теперь это операция». Технология вещиизма поглощает духовность миропреображения — таковы последствия отсечения духовности от хозяйствования.

Православный теолог рисует развернутую картину подавления духовного материальным в сфере хозяйствования: «...после грехопадения человека, религиозно соответствующего метафизической катастрофе всего космоса, смысл хозяйства и его мотивы изменяются. Тяжелый покров хозяйственной нужды ложится на хозяйственную деятельность и закрывает ее софийное предназначение, целью хозяйства становится борьба за жизнь, а его естественной идеологией — экономический материализм. Оно становится исполнением суда Божия над согрешившим человечеством после грехопадения человека, религиозно соответствующего метафизической катастрофе всего космоса, смысл хозяйства и его мотивы изменяются»¹. Но обратим внимание: в этой скорбной зарисовке, в этой фиксации деградировавшего хозяйствования неизменно присутствует тема Божьего наказания, трактующего подобное анти-хозяйствование как преступление, как отступление от установленных заповедей.

Однако христианский взгляд на мир оставляет надежду на то, что «существующее отношение между человеком и природой, состояние взаимной отчужденности и непроницаемости не является единственно возможным и нормальным, что природа способна проникаться велениями человеческого духа и что между нею и человеком мыслим иной, тесный, интимный и гармоничный союз» (статья «Об экономическом идеале»). Само название статьи «Об экономическом идеале» свидетельствует о вере отца Сергия Булгакова в возможность обретения идеала в духовно-хозяйственной сфере. Путь к этому идеалу лежит через одухотворение бытия, преобразования стихий в литургическом духе. В размышлениях отца Сергия Булгакова возникает масштабное полотно нового созидания: «...освящаются элементы естества: вода... стихия воздуха... земля через храмы... огонь. Принципиально важное значение имеет освящение разного рода вещей... вещества, употребляемые при совершении Таинств... Общий религиозный смысл этих освящений тот, что в них Церковью дается благословение природной стихии, распространяющееся на всю область хозяйственного производства и потребления»². Надежда и упование на Божественный Промысл становятся принципиальными основаниями построения христианского хозяйствования, именно в этом ключе и необходимо, считал протоиерей Сергий Булгаков, выстраивать всю глобальную экономическую систему, которая только в этом случае позволит преодолеть соблазны радикального материализма и стяжательства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Наука, 1999.
2. Булгаков С. *Очерки учения православной Церкви*. М.: Русский путь, 2004.
3. С.Н. Булгаков: Pro et Contra. *Личность и творчество Булгакова в оценке русских мыслителей и исследователей*. СПб.: Изд-во РХГИ, 2003.
4. Булгаков С.Н. *Два града. Исследования о природе общественных идеалов*. СПб.: Изд-во РХГИ, 1997.
5. Булгаков С.Н. *Свет невечерний: Созерцания и умозрения*. М.: Республика, 1994.

¹ Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Наука, 1999. С. 69.

² Булгаков С. *Очерки учения православной Церкви*. М.: Русский путь, 2004. С. 229.